

11. Lindsey V. E. Satire in The Poetry of Percy Bysshe Shelley. Arkansas, 1982.
12. Paley M. D. Apocalitics: Allusion and Structure in Shelley's «Mask of Anarchy» // Huntington Library Quarterly. 1991. Vol. 54, № 2. P. 91 – 109.
13. Stroup W. J. Shelley and The Nature of Nonviolence. Ann Arbor, 2000.

Об авторах

Наталья Павловна Жилина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: nzhilina@rambler.ru

Сергей Дмитриевич Смирнов – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: 4get2read@tita.io

52

About the authors

Prof. N. Zhilina, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: nzhilina@rambler.ru

S. Smirnov, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: 4get2read@tita.io

УДК 821.111

В. Х. Гильманов, А. С. Тауснева

ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ В РОМАНАХ Т. МАККАРТИ

Творчество современного британского писателя Т. Маккарти рассматривается как явление постмодернистского дискурса с его установкой на принципиальную фрагментарность человеческого опыта «здесь-бытия». Анализируется идейная структура романов автора, с одной стороны, отражающих энтропийный характер современной культуры, с другой – ставящих вопрос о выходе из «внутренней пещеры» путем стимулирования памяти.

This article analyses works of a modern English writer T. McCarthy who is considered to be a phenomenal occurrence of the postmodern discourse with its emphasis on the fragmented structure of the human experience of 'being-in-the-world'. The authors explore the main idea of the novels. On the one hand, the novels reflect the entropic nature of modern culture, and, on the other hand, they raise the question of a withdrawal from the 'inner cave' by means of memory stimulation.

Ключевые слова: Маккарти, память, свет, пещера, фрагментарность, хронотоп, Фрейд.

Key words: McCarthy, memory, light, cave, fragmentariness, chronotope, Freud.

1. Роман «Remainder» как проект реконструкции памяти

В современной постмодернистской ситуации, в связи с нарастающей неуверенностью в устойчивости основ бытия, в искусстве остро встает вопрос о роли человека, которому усилением воли, памяти и души надлежит восстановить утраченную целостность.

Проблема человека находит отражение в ряде диагнозов, объединенных идей антропологической «осколочности»: индивид становится дивидом — «фрагментированным, разорванным, смятенным, лишенным целостности человеком» [3, с. 266]. Представление о субъектной расщепленности вслед за работами З. Фрейда было отражено в проектах Ж. Лакана, Ж. Делёза, К. Ясперса, Ю. Кристевой, М. Фуко, Р. Лэнга.

Герои романов современного британского писателя Т. Маккарти, несмотря на свою обезличенность («blank everyman» [14]) и зачастую безымянность («call me U» [12, p. 14]), на свое приближение к тому, что автор именуется «персонажем в нулевой степени» [4, с. 34], все же несут в себе идею преодоления доминирующего дробного принципа.

Цель данной статьи — проследить противоречивую динамику творческих поисков Маккарти, отражающуюся в амбивалентности художественного мира его произведений.

Безымянный герой романа «Remainder» теряет память, попав в дорожную аварию. Сюжет составляют его мучительные попытки вспомнить свою жизнь и восстановить идентичность с собой прошлым. Травмированное сознание героя, с одной стороны, метафора невозможности реконструировать память и «угнаться за временем». Однако, с другой — он все же пытается наметить пути выхода из пространства забвения. Память неожиданно возвращается к герою после созерцания, казалось бы, ничтожной детали — трещины в стене. По определению Маккарти, эта память — идеализированная: «idealized, kind of platonic memory» [13]. Образы, навеянные ему воспоминаниями, он жаждет воссоздать, чтобы почувствовать себя «настоящим» («authentic» [11, p. 93]).

Он покупает дом, в котором, как ему кажется, он жил до несчастного случая и который, словно по законам пространственной мнемотехники, постепенно разворачивает перед ним возникающие в его сознании «палаты памяти» [1, с. 147]: «I felt I'd burrowed to one of the innermost chambers of the vision [11, p. 58].

Дом носит название «Madlyn Mansion», отсылающее к культовому роману М. Пруста, где печенье «мадлен», ассоциируясь с детскими воспоминаниями героя, становится для него импульсом к оживлению памяти. Однако если у Пруста память возвращается через тактильные и вкусовые ощущения, то у Маккарти — через зрительные образы. Более того, постмодернистский герой идет дальше и путем серии реконструкций совершает фатальную подмену реальности утраченными воспоминаниями: «Стремление дома выжить в нашей душе так упорно, словно он ждет, что мы продлим его реальное бытие» [2, с. 64].

Найденный дом становится для героя новой миромоделью, в которой он пытается организовать как пространство, так и время. Хронотоп реконструкции в романе реализуется как на топографическом, так и на психологическом и метафизическом уровнях.

Только в конце романа становится очевидным, что избранный героем путь представлял собой способ бегства от реальности в пространство симуляции, в беспорядочный лабиринт игровых структур, следовательно, в энергично мертвое пространство.

Герой, чья память носит лишь соматический характер, смог оживить только механические образы, способные воздействовать на него исключительно на уровне телесного переживания. Это отражается и на лексическом уровне посредством употребления слов «neutral» и «tingle», выявляющих реакцию героя на внешний мир, которая лишена какой-либо эмоциональной составляющей: «felt a tingling creeping up the right side of my body» [11, p. 37], «the tingling sensation crept through my body again» [11, p. 59].

Таким образом, герой романа по причине антропологического разлома между «здесь-бытием» и «бытием в себе» не способен на воспроизводство бытийствующей локальности и обречен на пребывание в своей внутренней «руине»¹. Однако осознание героем поврежденности своего «я» и стремление усилием памяти восполнить пробел («plug the gap in my mind» [11, p. 2]) выходят за пределы постмодернистской установки на нереабилитируемую фрагментарность.

2. Выход из внутренней пещеры в романе «С»

Герой романа Маккарти «С» — Серж Карфакс — также воплощает собой постмодернистскую концепцию децентрированного субъекта, так как его прототипом, по признанию самого автора, является пациент З. Фрейда Сергей Панкеев, случай которого стал известен после выпуска Фрейдом заметок о «человеке-волке».

В романе «С» остро встает проблема травматического опыта, накладывающего отпечаток как на психическое состояние героя, так и на его мироощущение. В интервью с А. Асланян Маккарти говорит: «Книга — вернее, обе эти книги (имеются в виду два романа писателя: «Remainder» и «С». — В. Г., А. Т.) — вращаются вокруг травмы и ее последствий — гигантских по масштабам. В случае “С” это, можно сказать, травма всеобщая» [1].

Потеряв сестру, герой, лишенный, подобно Сергею Панкееву, способности к переживанию и сопереживанию, оказывается в ситуации психологического разлома. Тоска по сестре, не находя выхода, замещается телесным недугом: «You are having autointoxication. Skin is dark, eyes too. You seeing well, or not?» [10, p. 99]. Сержа направляют в санаторий на лечение, где ему открывают глаза на истинную этиологию настигшей его беды: «cocooned man... pulsing in figure of eight... larvae that will never become moths» [10, p. 115], «a vacuum in which he was held» [10, p. 121].

¹ «Руины» — образ-метафора постмодернистской философии, употребляемый для обозначения специфического для культуры постмодерна способа понимания мира, основанного на отказе допущения его целостности, преемственности и гармоничной упорядоченности» [6, с. 498].

В романе резко встает проблема угасания внутреннего света, прослеживающаяся в мотиве слепоты: «the veil that's darkening his vision» [10, p. 109]. Герой становится заложником пространства «бытия-в-себе», которое управляет его зрением. Угасание внутреннего света, отсеченность от эйдетической памяти приводят к «слепоте» его «я», которое руководствуется лишь голосом тела и распознает лишь ложные источники света. Это прослеживается через ряд женских образов, в которых символично претворяется либо идея жизни, либо смерти.

Пребывая на лечении в санатории, он знакомится с итальянкой Лючией, болезнь которой иного рода: «My blood's too light or something. How about you?» «The opposite: too dark» [10, p. 110]. Ее имя, несущее положительную семантику («lux» – свет), знаменует для Сержа возможность обрести пространство жизни.

Однако завораживает его другая девушка – работающая в санатории Таня, за «остекленевшими глазами» которой словно скрывается тайна «абсолютного времени»: «Her glazed look too: the way her eyes seem almost oblivious to what's in front of them, fixing instead on something other than the immediate field of vision, deeper and more perennial...» [10, p. 113], «She has a glazed look, not quite in the present, as though she were staring through him, or around him, at something that was there before he came and will be there after he leaves» [10, p. 103].

После близости с Таней он осознает, что вокруг него изменилась сама геометрия пространства. Его «внутренняя тьма», метафорично выраженная физическим недугом («A big ball of dirt in his stomach» [10, p. 99], «mela chole» [10, p. 104]), словно прорывается наружу: «like a burst bubble or disintegrated membrane» [10, p. 124].

Герой фиксирует произошедшую с ним перемену как момент «просветления», будто перед ним во всей наготе предстала его «яйность»: «The surfaces of ground and woods and clouds are gone too, fallen away like screens, encumbrances that blocked his vision, leaving the hollow-not of the indentation but of space itself: an endless space in which he can now see with piercing clarity. What he sees is darkness, but he sees it» [10, p. 124].

Несмотря на столь безысходную детерминированность своего персонажа, автор также предпринимает попытку «оживить» героя через поэзию, то есть «через установление бытия посредством слова» [7, с. 42]. У своей подруги Сесиль Серж находит томик Гельдерлина и берется за чтение гимна «Патмос». Однако его «здесь-бытие», предопределенное фрейдовской концепцией «расщепленного я», не способно «откликнуться» на голос поэзии. Он слышит только «гул языка» (Р. Барт), отдельные слова, способствующие лишь приросту семантики, но не нахождению единого глубинного смысла: «Nah ist Und schwer zu fassen der Gott... the Nah is a kind of measuring, a spacing-. The Gott's not a divine, Christian Creator, but a point within the planes and altitudes the machine's cutting through-and one of several: the god, not God. And fassen... fassen is like locking onto something: a signal, frequency or groove» [10, p. 160].

В завершающей четвертой главе, имеющей название «Связь», Серж отправляется на работу в Египет. Эта часть произведения, построенная

на интертекстуальном диалоге между изучаемыми Маккарти в эссе «Тинтин и тайна литературы» комиксами Эрже, историей о человеке-волке и романом «С», знаменует собой кульминационное соединение двух парадигмальных установок автора.

При анализе завершающей части романа необходимо обратиться к концепции Фрейда, в которой человеческая психика отождествляется с античными руинами: «Это метод расчистки пластов патогенного психического материала, который мы охотно сравнили бы с техникой раскопок древнего города» [8, с. 54]. Об этом говорит и сам Маккарти в контексте обсуждения понятия «сгурт» («тайник»), обозначающего в психоанализе «место зашифрованной психологической травмы» [4, с. 76]: «Freud compares his mental landscape to a kind of tomb, a pyramid, and Freud compares himself to an Egyptologist who, like Indiana Jones, has to go inside and decipher all of the inscriptions on the walls» [9].

Особо знаменательным фрагментом для осмысления романа является осмотр египетских гробниц. Хождение по египетским руинам связано с поиском места, где сопрягаются два разных начала, две временные плоскости: прошлое и настоящее: «Отсюда и возникает метафора границы, тема вхождения в глубину руины и изменение статуса либо мыслей человека внутри нее» [6, с. 3].

Анализируя книгу Н. Абрахама и М. Терек «Криптономия. Магическое слово Человека-Волка» Маккарти пишет: «С начала до конца книги авторы, описывая сознание Сергея, используют архитектурные метафоры: барьеры, перегородки, изолированные отсеки, анклав» [4, с. 72]. Таким же образом Серж, путешествуя из одной палаты в другую, словно проникает в глубины своего подсознания: «“Look: it goes on further!” Serge gasps, catching sight of yet another opening in the wall. The excitement’s spreading in him, spurred on by the darkness, or the depth, or both. “They all do: they continue endlessly. Which way do you want to go?”» [10, p. 303].

С другой стороны, в романе сильна аллюзия и на платоновскую пещеру. Путь в пещере героям освещает фонарь, который, символизируя ложный свет, не показывает вещи в истинном облике: «Flashlight moves across the stone, bringing its images and inscriptions into view, as though the metal object were itself projecting them» [10, p. 304]. Свет фонаря недостаточен и для того, чтобы прочесть надписи на стенах: «“Rasomething, master of...” reads Laura, narrowing her eyes; “his sister, his beloved, in his heart... words spoken by... do not...”» [10, p. 304]. Затем и этот свет гаснет: «She drops the flashlight at some point; it flickers against the wall... and goes off» [10, p. 304]. Выйдя на солнечный свет, герой понимает, что все увиденное им, возможно, было ненастоящим: «The mad thought flashes through his mind that this whole cemetery might somehow be artificial, phoney» [10, p. 305]. Финал этого путешествия в глубины «я» оборачивается для героя признанием своего «небытия». Не зря он зачеркивает в блокноте запись «Are now» и пишет: «Am not» [10, p. 305].

Разговор с Лаурой о древнеегипетском боге Осирисе и его сестре Исиде рождает в подсознании героя образ сестры Софи. Последнее ви-

дение Сержа — своеобразное загробное венчание с сестрой: «Garland's made of dead flowers — and the knowledge hits him in this instant that the children are dead too, that the whole kingdom is negative» [10, p. 314]. Древнегреческий миф смешивается с библейской притчей об Эдемском саде, также данной в сюрреалистически вывернутом ключе: «Apples that are slowly fermenting. Picking a much-worn-drilled one from near the pile's top, she proffers it towards him» [10, p. 315].

Несмотря на predetermined победу фрейдистской модели разорванного сознания, в романе все же прослеживается иная попытка объяснения феномена человека-волка. Серж оправдывает свое существование как в сартровском смысле «бытие для другого»: «Другой владеет тайной: тайной того, чем я являюсь» [5, с. 207]. Финал романа, знаменующий, с одной стороны, физическую смерть героя и, как часто бывает у Маккарти, вынужденный конец нарратива («although no one is there to see it go» [10, p. 319]), с другой — придает существованию героя энергичную значимость. Фантастическая сцена, явленная в его сознании, есть момент гипостазирования невозможной в актуальной пространственно-временной организации «встречи с другим».

Именно эта «встреча» стала для Сержа ключом к состоянию бытийной пустоты, в которой он пребывал, которая заключалась в его неспособности любить. Не случайно Серж часто вспоминает 65-й сонет Шекспира из книги, доставшийся ему после смерти товарища на войне: «The phrase that his mind snags on, though, comes from a later sonnet, number 65: the line about love shining bright in black ink» [10, p. 171].

В конце романа, несмотря ни на что, он все же открывает в себе возможность возлюбить, оживив в своей памяти образ сестры: «Serge can feel this love, too, not in some abstract way but literally: physically feel it-see it as well» [10, p. 314].

Эта парадигмальная антиномия в творчестве Маккарти, выраженная колеблющейся позицией между модернизмом и постмодернизмом, свидетельствует о поэтической воле автора к выходу из постмодернистской символики руины и воссозданию целостной антропологии личности, так как его герои способны ощущать свою фрагментарность и осознавать необходимость преодоления энтропийного состояния своей субъектности.

Список литературы

1. Асланян А., Волчек Д. Имитации и реконструкции Тома Маккарти / [Интервью с Т. Маккарти] // Радио Свобода : [сайт]. 2014. 22 июля. URL: <http://www.svoboda.org/a/2106715.html> (дата обращения: 16.02.2017).

2. Башиляр Г. Избранное: поэтика пространства. М., 2004.

3. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.

4. Маккарти Т. Тинтин и тайна литературы. М., 2013.

5. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

6. Соколов Б.М. Тема руин в культуре и искусстве // Царицынский научный вестник. 2003. Вып. 6. С. 7–38.

7. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. 1991. Вып. 1. С. 37–47.
8. Фрейд З. Сочинения : в 10 т. М., 2003–2008. Т. 6 : История и страх. М., 2006.
9. Alizart M. Tom McCarthy: «Every flight path jf a sparrow or movement of an ant over a tuft of ground is a massage» // Believer : [сайт]. 2008, june. URL: http://www.believermag.com/issues/200806/?read=interview_mccarthy (дата обращения: 16.02.2017).
10. McCarthy T. C. N.-Y., 2005.
11. McCarthy T. Remainder. Richmond, 2007.
12. McCarthy T. Satin Island. N.-Y., 2015.
13. Soar D. French Passions: Tom McCarthy on Alain Robbe-Grillet // Culturateurque. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-QcHi-4G4dU&t=2407s> (дата обращения: 16.02.2017).
14. Tayler C. «С» by Tom McCarthy // The Guardian : [сайт]. 31.07.2010. URL: <http://www.theguardian.com/books/2010/jul/31/c-tom-mccarthy-novel-review> (дата обращения: 16.02.2017).

Об авторах

Владимир Хамитович Гильманов – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: VGilmanov@kantiana.ru

Александра Сергеевна Тауснева – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: alexandratausneva@gmail.com

About the authors

Prof. Vladimir Gilmanov, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: VGilmanov@kantiana.ru

Alexandra Tausneva, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: alexandratausneva@gmail.com

УДК 821.111

Н. Г. Владимирова

ИДЕЯ СУДЬБЫ И ЕЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ В «FAIRYSTORY» А. С. БАЙЕТТ «ДЖИНН В БУТЫЛКЕ ИЗ СТЕКЛА “СОЛОВЬИНЫЙ ГЛАЗ”»

Своеобразие авторской эстетической концепции определяется размышлениями А. С. Байетт об истоках творческой энергии и их связи с процессами, происходящими на линии соприкосновения реального с фантастическим, иномирным. Показаны особенности использования этих поэтологических парадигм в организации текста, смысловой центр которого создает идея Судьбы. Она кристаллизуется не только в сюжетных перипетиях, но и в становлении персонажной композиции, в интертекстуальных вставных историях.

The originality of the author's aesthetic conception lies in A. S. Byatt's reflections on the origins of creative energy and their connection with the pro-